

crime & private

Анна
Данилова

Госпожа Кофе

ЭКСМО

Анна Данилова
Госпожа Кофе
Серия «Марк Садовников», книга 10

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183873
Госпожа Кофе: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33075-1*

Аннотация

Однажды Егор Красин – менеджер фирмы, счастливый муж и отец двоих детей – находит в собственной машине, стоящей в запертом гараже, два трупа – мужской и женский. Он напуган до крайности и не хочет заявлять в милицию, боясь подвергнуть стрессу семью. Обстоятельства приводят его в дом к Маргарите Орловой – известной художнице, чей муж Марк оказывается следователем прокуратуры. Он-то и берется за расследование дела, тем более что оба убитых – его знакомые, которых давно уже хватились друзья и родственники...

Содержание

1. Егор	5
2. Егор	13
3. Егор	33
4. Валентина	38
5. Валентина	45
6. Валентина	54
7. Валентина	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анна Данилова

Госпожа Кофе

Дорогой писатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне - любви -
то самое важное в жизни!

Читайте, познавайте и
испытывайте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

1. Егор

Я очень люблю свою жену, поэтому, быть может, все и случилось так, как случилось.

В то утро я проснулся очень рано, Вероника и дети еще спали, я быстро накинул на себя халат (подарок жены), сам сварил себе кофе, не спеша выпил его, любуясь видом из окна. Надо сказать, что вообще-то вид из окна нашей городской квартиры – так себе. Внизу – строительная площадка (кажется, строят мебельную фабрику), зато за ней вплоть до самого горизонта простираются экспериментальные пшеничные поля сельскохозяйственного института. А это красиво. Кругом миллионный город, а за нашими окнами – совершенно сельский (если смотреть не вниз, а чуть вдаль), мирный пейзаж. Вот и в то апрельское утро моросил дождь и поливал весенние нежные всходы пшеницы. (Зимой, кстати, по этим полям, облюбованным лыжниками, скачут самые настоящие зайцы.)

Выпив кофе, я приготовил себе два бутерброда с ветчиной, позавтракал, позволил себе выкурить единственную сигарету, затем заглянул в детскую, поцеловал Мишку и Танюшу в их теплые лобики, поправил одеяльца и, надев куртку, вышел из дома.

Мишке исполнилось два годика, Танюше – три. Это мои дети, причем оба похожие на меня, и я как сумасшедший

каждый день радовался этому обстоятельству. В сущности, если бы меня тогда спросили, счастлив ли я, то я ответил бы положительно: да, я безумно счастлив. И я не понимаю мужчин, которые бросают своих беременных возлюбленных или любовниц. По мне — чем больше детей, тем лучше. Ведь это же твое продолжение, это радость, это так приятно, наконец, возиться с ними. Ну и что, что не высыпaeшьcя первое время, зато потом, когда они начинают говорить, ходить...

Я могу часами говорить о своих детях и о своей любви к жене, Веронике, но в то утро как-то резко все изменилось. И моему счастью пришел конец.

Я вышел из дома и направился к гаражам. Наш гараж находится довольно-таки далеко, но я шел быстро, вдыхая свежий влажный воздух, и дошел буквально за десять минут. Открыл его, прошел внутрь. Хотел было уже сесть в машину, даже распахнул дверцу, но сразу понял, что в салоне кто-то есть. Что-то темнело на заднем сиденье. Это оказался мой черный рабочий халат, которым было прикрыто нечто большое. Нехорошее чувство вызвало неожиданно прилив тошноты, что обычно несвойственно для меня. Тогда я еще не мог знать, что это был страх. Страх лишиться всего того, чем я жил последние годы. Или, точнее, предчувствие этого страха.

Я подошел к задней дверце и открыл ее. Вспомнил, что примерно так же, старым рабочим халатом, я прикрывал

поздней осенью сложенные на заднем сиденье ящики с помидорами и баклажанами. Если бы меня спросили, зачем я это делал, вряд ли я сразу бы ответил. Иногда делаешь что-то привычное, даже не задумываясь над этим. Возможно, для порядка. В любом случае тогда мне казалось: я поступаю правильно. Но что было прикрывать сейчас?

Я осторожно потянул за край халата. Он медленно пополз, открывая нечто для меня пока еще непонятное. Шли секунды, и вот я четко увидел спину, обтянутую коричневой вельветовой курткой. Мужскую спину. Потом показался затылок, коротко стриженный крепкий затылок. Под мужчиной, который словно бы спал, согнувшись в три погибели на заднем сиденье моего автомобиля, оказалась женщина, тоже как-то странно скрюченная. Она была почти полностью скрыта мужским телом, я смог рассмотреть довольно хорошо только согнутые в коленях ноги. На женщине был короткий розовый плащ, ноги обтягивали прозрачные колготки или чулки, еще на ней были кремовые туфли на тонких каблуках. Возможно, эти люди провели в моей машине всю ночь, а может, и несколько часов. Но то, что с ними произошло нечто страшное, было совершенно ясно. Для приличия я произнес дежурное: «Эй, кто вы?! Вставайте!», понимая, что меня все равно никто не услышит. Вернее, предполагая.

О том, что они мертвы, я старался не думать. И причина для этого у меня была веская: весь салон был буквально пропитан запахом алкоголя. Эта парочка могла просто ввалить-

ся в мой гараж ночью, чтобы весело провести время, и так бы оно все и случилось, если бы не одно серьезное обстоятельство: я всегда тщательно запираю гараж на все замки. Да и машина тоже была заперта. Ведь я, прежде чем открыть ее, отключил сигнализацию. Мне казалось, именно так все оно и было. Хотя я мог только думать, что отключил сигнализацию, поскольку каждое утро делал это автоматически, а на самом деле машина могла быть открыта. Но гараж!!! Его я точно запираю. И следов взлома, во всяком случае, явных, я не обнаружил.

Я осторожно протянул руку и дотронулся кончиками пальцев правой руки до выпирающей горбом спины мужчины, даже как бы толкнул его.

– Э-эй, вставайте! Слышите?

Но он меня не слышал.

Возможно, любой другой человек на моем месте сразу же вызвал бы «Скорую помощь», милицию. Но я подумал тогда, что это-то я всегда успею сделать, тем более что «Скорая помощь», судя по неподвижности и какой-то страшной окаменелости тел, уже не понадобится. А милиции вообще все равно. Я сразу стал лихорадочно соображать, что может последовать после того, как содержимым моей машины все-таки заинтересуются люди в погонах. Параллельно этому я думал, следует ли мне перевернуть тела, чтобы хотя бы разглядеть лица. А вдруг это кто-то из знакомых? Выкрали на работе мой ключ от гаража, сделали слепки, копии, чтобы

потом вечером, зная, что я дома и уже точно никуда не поеду, уединиться в гараже? Однако я понимал, что предполагаю невозможное, поскольку среди моих знакомых не было людей подобного плана, точнее, способных попасть в подобную ситуацию. И если кто-то из моих знакомых мужчин и собрался бы пойти налево, то свидание своей даме он назначил бы точно не в гараже: в гостинице, в квартире друга, в СВ-вагоне московского поезда. Хотя я не мог припомнить случая, чтобы кто-то из моих друзей завел себе на стороне женщину. Как-то так получилось, что в нашей компании ничего такого не практиковалось, все были заняты семьей, работой, и все у всех было хорошо. Борька Трофимов обожал свою жену, пухленькую армянку Мариэточку, которая родила ему близнецов, Сашка Аверин не мог жить без своей Тamarочки, и хотя они пока еще не завели детей, на их отношениях это никак не сказывалось, наоборот, он как мог поддерживал ее, возил по курортам, где она лечилась от бесплодия.

Я стоял в своем гараже, уставившись на собственную машину, набитую трупами, и думал о Тamarкином бесплодии. Полный бред! Но кто-то же проник в мой гараж, залез в мою машину и умер там. Мысль о том, что эти люди (возможно, любовники) могли задохнуться в машине, я отмел сразу: в гараже не чувствовалось и намек на запах угарного газа. Напротив, было свежо, я бы даже сказал, прохладно, да и окно в машине было открыто – со стороны водителя, то есть с моей. Другой вопрос, что я никогда не был их водителем.

Мне хотелось кому-нибудь рассказать о том, что со мной произошло, посоветоваться. Я представлял себе, как приезжаю на работу к Борису, рассказываю ему обо всем. И вот тут-то ловлю себя на том, что ни Борис, ни Сашка (а ведь это мои друзья!) не обрадуются тому, что они, выслушав меня, становятся как бы свидетелями этого страшного происшествия. Преступления. Двойного убийства. (Или самоубийства?) Каждый из них живет своей жизнью, своими проблемами, и, столкнувшись с такой серьезной ситуацией, вряд ли станут что-либо советовать. Больше того, я почему-то вдруг понял: ни один из моих так называемых друзей не уделит мне и минуты, чтобы порассуждать на тему: как выбраться из этой ситуации. Мы всегда охотно встречались на вечеринках, днях рождения, выезжали на трех машинах на природу и довольно-таки весело, приятно проводили свободное время. Жены наши дружили, им тоже было интересно друг с другом, а уж мы, мужики, тем более находили себе занятие по душе: футбол, бокс, преферанс, не говоря уже о рыбалке. Все как у всех.

Или же дадут один совет на двоих: срочно обратиться в милицию.

Я даже представлял себе появление в моем гараже следователей, милиционеров, экспертов. Все искоса поглядывают на меня, как бы спрашивая себя, способен ли я на убийство. А что? Гараж мой, машина моя, повсюду полно отпечатков моих пальцев. Да они сразу меня повяжут! Заставят подпи-

сать показания с признанием. Им бы крайнего найти, то есть убийцу.

Выход, однако, существовал. Избавиться от трупов. Снова прикрыть их халатом, вывезти куда-нибудь за город и оставить на обочине дороги, чтобы поскорее нашли. Да и погода подходящая – дождь. Избавиться. Это будет преступлением?

Главное, ничего не рассказывать Веронике. Во втягивании ее в эту историю нет никакого смысла. У нее и так проблем хватает. Пусть занимается детьми, домом, спокойно спит. Тем более что избавление от трупа займет не так уж и много времени – примерно минут двадцать, если поехать короткой дорогой до аэропорта, а там – по Усть-Курдюмскому направлению, поближе к Волге, к густым ивовым зарослям. Хотя почему зарослям, если я решил оставить трупы на дороге, чтобы их поскорее нашли и начали следствие.

И снова моя фантазия заставила меня «увидеть», как я останавливаю машину, открываю заднюю дверцу, вытаскиваю из салона тяжелые окоченевшие тела, и в это самое время меня кто-то видит, замечает, записывает номер машины. Вот уж тогда-то эти убийства точно повесят на меня. А машин кругом полно, даже если заехать в лес, и там наверняка встретится одна-две машины. А там, где машины, там и люди. И никуда-то от них не скроешься.

Я рассуждал, как преступник! Но я-то никого не убивал! Тогда почему же я не хочу (точнее, боюсь!!!) звонить в милицию? Откуда этот безотчетный страх перед нашей маши-

ной правосудия? Неужели на меня настолько сильно повлиял шквал криминальных фильмов и литературы, что я и мысли не допускаю, будто меня, как обыкновенного свидетеля, выслушав, отпустят? Откуда такая уверенность в том, что меня первого заподозрят в убийствах и посадят? И кому должно быть от этого стыднее: мне или государству?

Мне просто необходимо было с кем-то посоветоваться. Но даже для этого требовалось время и спокойствие. Я решил ничего в машине и гараже пока не трогать. Потянуть время ровно столько, сколько мне может понадобиться для того, чтобы решить для себя, что же мне делать, как поступить.

Я запер гараж и отправился на работу.

2. Егор

Я – старший менеджер по продажам в одной крупной компании, специализирующейся на электротехнической продукции. Работа сложная, напряженная, особенно если учитывать мое обещание начальству увеличить объем продаж и расширить клиентскую базу взамен на помощь в получении кредита на квартиру и, конечно же, повышение процента от сделок. Каждый день, приходя в офис и устраиваясь на своем рабочем месте, я думал только о работе, вернее, заставлял себя думать только о работе, кому и что всучить по самой высокой цене, кому позвонить и договориться о встрече или послать записку-благодарность за сотрудничество с нашей фирмой. Мне нравится моя работа, и, как мне думается, я делаю ее хорошо. Но в тот день мне было не до работы. Я был вялым, думал о трупах в своей машине, о Веронике, которая к моему приходу обещала приготовить мой любимый мясной рулет, – она, бедняжка, и не подозревала о моих проблемах, мучениях, сомнениях. Думал о том, как мне найти такого человека, который согласился бы мне помочь избавиться от этих тел. Хорошо еще, что сейчас апрель, пасмурная погода, тела не так быстро разлагаются, как, скажем, в теплое время года.

Меня пригласил директор. Неожиданно. Я совсем растерялся. Начал лихорадочно вспоминать, что я такого мог сде-

лать, за что меня вызывают на ковер. Секретарша смотрела на меня с интересом, даже как-то оценивающе. И это было на нее не похоже. Словно она по своим каналам узнала, что я получил в наследство миллион евро и теперь рассматривает меня как кандидата если не в мужья, то хотя бы в любовники.

– Егор Евгеньевич, здравствуйте, – приветствовал меня явно взволнованный, похожий на румяного колобка шеф. Костюм на нем буквально лопался, а лысина, облепленная мелкими курчавыми локонами, влажно блестела. На вид просто душка, мой хозяин тем не менее считался в своих кругах весьма толковым, умным и жестким руководителем.

– Здравствуйте, – немного оробел я. Я подумал, сейчас он спросит меня, а кого это я прячу в своем гараже и не пора ли сообщить куда следует.

– Вот, взгляните! – Он показал куда-то на стену, но я отреагировал не сразу, зато моментально вспотел от волнения. Я никак не мог понять, чего мне сегодня ждать от своего начальства – кнута или пряника.

Надо сказать, кабинет господина Дворкина Льва Вадимовича был роскошным, с дорогой итальянской мебелью, пухлыми, как и сам хозяин, диванами, креслами, картинами на стенах, толстым ковром под ногами. Длинный ореховый стол, окруженный обитыми полосатым шелком стульями, стоил, по мнению моих коллег, как монолитный чугунный мост.

Я проследил взглядом за его рукой и увидел на бледно-зе-

ленной стене натюрморт: роскошные полупрозрачные, выполненные акварелью маки в белом стеклянном кувшине на фоне узорчатого темно-зеленого шарфа, небрежно брошенного на спинку тонкого ажурного стула. Картинка солнечной дачной жизни. Не хватает только дамы в сарафане и соломенной шляпке.

– Ну, как вам натюрморт?

– Итальянцы? – сразу спросил я, понимая, что это спрятанная под стекло репродукция. – Или французы?

– Я узнал, что вы заканчивали наше художественное училище. Но по линии рисования не пошли из-за раннего брака, детей. Словом, вам пришлось зарабатывать деньги. Верно, Егор? – Он разговаривал со мной так, словно внезапно открылось, что я – его сын, и он пытается рассказать мне, что ему обо мне известно.

– Да. А в чем, собственно, дело?

– Понимаете, мне подарили этот натюрморт мои друзья. Я знаю, что подарок дорогой, поскольку приблизительно представляю, сколько он может стоить.

– Да это же репродукция!

– Нет, вот здесь вы ошибаетесь, Егор. Это подлинник. А вот автора вы, может, и знаете, – сказал он лукаво. – Она известна в узких кругах. Хотя ее картины выставляются за границей и пользуются там большим спросом. Но что особенно приятно, эта художница живет здесь, у нас, в Саратове.

И тогда я понял, что вижу перед собой работу Маргариты

Орловой. Я не знаю, как я это понял, ведь я всего лишь один раз был в ее мастерской – помогал ей упаковывать работы для выставки в Питере. Маргарита – художница от бога. И ее картины на самом деле стоят очень дорого.

– Это работа моей знакомой художницы – Риты Орловой, поздравляю, – сказал я. – У ваших друзей отличный вкус. Не знаю, как я сразу это не понял.

– Что не поняли? Что у моих друзей отменный вкус или что это работы госпожи Орловой?

Я не стал отвечать на его риторический вопрос. В этом не было никакого смысла.

– Да, это действительно ее работа, и когда я смотрю на эти маки, мне хочется жить, вы понимаете меня? Жить, просто жить. Эта акварель буквально светится. Она наполнена солнцем, летом, теплом. И этот шарф. Мне кажется, здесь не хватает самой Риты. Знаете, я видел ее только мельком и был поражен красотой этой женщины.

Я пока еще не понял, зачем он меня вызвал.

– Я понимаю, Егор, вы никак не возьмете в толк, зачем я вас пригласил. Я объясню. Во-первых, хотел выяснить, узнаваема ли эта работа, производит ли она на людей вроде вас особое впечатление, а во-вторых, мне сказали, что вы лично знакомы с Маргаритой Орловой и бываете у нее в мастерской, что захожи в ее дом.

Значит, он до этого разыгрывал передо мной комедию.

– Это сильно сказано! – воскликнул я. – Я знаю Риту, это

так, но сказать, что я вхожу в ее дом, что вот так запросто могу прийти к ней в гости... Нет, это неверно.

– И все равно. Вы с ней лично знакомы, причем по творческой линии, так?

– Да, так. У нас были общие знакомые. – Не хотелось рассказывать, что в последнее время мы с Ритой все чаще и чаще встречались на похоронах наших коллег: кто-то повесился, кто-то спился.

– Так вот. Мне очень нравятся работы Орловой. Я видел ее картины в Интернете, еще мне достали буклеты с ее выставок в Париже и Милане. Дело в том, что она сейчас мало пишет, а если и пишет, то все продает за границу, у нее есть почитатели в Европе. А я тоже хотел бы купить у нее несколько картин.

– Если у вас есть деньги, то не думаю, что она вам откажет. Какая ей разница, кто платит?

– Да я все понимаю. Егор, прошу вас, познакомьте меня с ней. Я хочу увидеть ее мастерскую, ее работы. Я буквально очарован этой женщиной.

– Вы ни разу ее не видели?

– Говорю же, видел, но мельком. Так вы устройте мне встречу?

– Хорошо, я постараюсь.

Я подумал: быть может, сама судьба посылает мне на помощь Риту. И хотя мы знакомы с ней не так чтобы близко, но я знал: ей нравятся мои работы, одну она даже купила для

своего загородного дома. Она сразу же поняла, что это подражание Брейгелю. Красно-белые тона, человечки на санках на белом снегу, каток. Мы познакомились на выставке одного нашего общего знакомого, разговорились, потом как-то случайно встретились в городе, посидели в кафе, Рита сказала, что готовит выставку и ей нужна помощь. Словом, пообещала накормить меня пирожками, если я помогу ей упаковать картины. Муж ее целыми днями на работе, сильно занят. Я даже не спросил, чем он занимается. Я просто смотрел на нее и думал, что, если бы не встретил свою Вероничку, то непременно влюбился бы в Риту, ведь в нее невозможно не влюбиться.

– Вот и отлично! Займитесь этим прямо сейчас. Для меня это важно.

Я пожал плечами. Хозяин – барин.

– Вы хотите сказать, Лев Вадимыч, что я должен немедленно оставить свое рабочее место и отправиться на встречу с Ритой? – решил уточнить я на всякий случай, так как мой шеф слыл человеком достаточно строгим в вопросах дисциплины своих подчиненных.

– Да, именно это я и хочу сказать, – уже более раздраженным тоном ответил мне Дворкин. – Вы что же это думаете, что меня, кроме работы, ничего в жизни не интересует? Да меня, если хотите знать, вдохновляют работы Маргариты Орловой. Вы, как человек искусства, должны меня понимать. Хотя я тоже понимаю вас. Думаете, ваш шеф спятил,

раз решил таким вот странным образом знакомиться с художницей. Что ж, в этом есть доля правды. Но, как бы то ни было, я жду от вас результата уже к концу рабочего дня. Не думаю, что у вас есть моя визитка, поэтому вот, получите. Минутку, я сейчас добавлю свой мобильный. Вот.

На роскошной, бежевой с золотым тиснением визитке Льва Вадимыча появился написанный от руки номер его мобильного телефона. Да и кто бы мог подумать, что меня в кои-то веки удостоят такой чести. И все бы ничего, если бы голова моя не была заполнена мыслями, совершенно отвлеченными от порученного мне дела.

Хотя, рассуждал я, выходя из офиса и направляясь к парковке такси (оказывается, не так-то легко отвыкнуть от хороших привычек вроде личного авто), быть может, именно это хотя бы на время отвлечет меня от мыслей о трупах?

Заявляться к такой занятой особе, как Маргарита Орлова, без предварительного звонка было бы верхом невежливости. Поэтому я достал свою записную книжку и позвонил. Разумеется, услышав мой голос, она меня не узнала. Да и кто я ей такой, в самом-то деле?! Но потом, когда я напомнил ей, что помогал упаковывать картины к выставке, моментально вспомнила.

– Слушаю вас, Егор. Что-нибудь случилось?

Интересно, почему она меня об этом спросила? Как будто бы к ней обращаться можно лишь в случае, если что-то случится. Это потом мне станет ясно почему.

– Да нет, в общем-то. У меня к вам одно дело. Не хотелось бы об этом по телефону.

– Хорошо, – в ее мелодичном голосе прозвучала улыбка, мне показалось, она, слава богу, в хорошем настроении. – Приезжайте. Адрес помните?

Конечно, адрес я помнил.

– Я буду у вас через четверть часа, – пообещал я, остановил такси и поехал в сторону главпочтамта, рядом с которым, в глубине старого двора, заросшего липами и дубами, находился дом, в котором жили и работали художники.

Когда мне открыли дверь, я почему-то понял Дворкина и его нетерпение как можно скорее познакомиться с Ритой. И никакими картинами он не интересовался, все это чушь собачья! Он просто-напросто где-то на приеме встретился с Орловой, успел восхититься ею, а потом и влюбиться и вот теперь не знал, с какого боку к ней подойти, чтобы не спугнуть, чтобы быть вхожим в ее дом.

Как она была хороша! В черных домашних фланелевых штанах, тонком черном же свитере, облегавшем ее стройную фигуру и подчеркивающим полную грудь. Волосы уложены в высокую прическу, однако один непослушный локон закрывает часть глаза и скулу. Маленький аккуратный носик слегка припудрен, губы не накрашены, но все равно выразительны, нежны. Я и сам любовался ею, пока не услышал:

– Здравствуйте, Егор. Проходите. – Она улыбнулась, и от

этой улыбки мне стало почему-то удивительно спокойно на душе. Словно я встретил хорошего друга, того самого, которого искал весь день (или всю жизнь?). – Сейчас Марк придет обедать. С таким трудом уговорила его заехать хотя бы на пять минут. Вечно отправится на работу чуть свет, и до самой ночи его нет. Знаю, что ему даже покушать некогда.

– И кто у нас муж? – спросил я, вспомнив Марка Захарова. – Волшебник?

– Почти, – это прозвучало как-то необыкновенно грустно и в то же время с ноткой гордости. – Да вы проходите. Мне почему-то кажется, я не ошиблась, и вы пришли все же не по мою душу, а к Марку.

– Нет, я пришел действительно к вам. Точнее, меня прислали.

Конечно, я хотел начать издалека и постепенно подойти к личности господина Дворкина, чтобы не отпугнуть ее ухаживаниями абсолютно незнакомого ей человека, но вышло так, как вышло.

– Будем пить чай или вы все же подождете Марка, и тогда пообедаем все вместе?

Мне хотелось и чаю, и пообедать, и узнать подробнее, кто у нее муж, поскольку до этого времени меня этот вопрос как-то не особо интересовал. Я не знал, что ответить, горло мое пересохло, да и есть хотелось, тем более что мой организм привык к определенному режиму, а время обеда уже давно прошло. Я пожал плечами и ничего не сказал.

– Хорошо, я все поняла. Сначала чай, а потом обед, идет?
Я улыбнулся вместо ответа.

– Пойдемте сразу на кухню, поверьте, там очень уютно, да и поговорим, пока я буду готовить рыбу.

Рита поставила передо мной красивую чашку с чаем, а сама вернулась к разделке селедки.

– Марк обожает селедку, но не любит пачкать руки. Вот и приходится отделять кости.

– Вы балуете своего мужа.

– Это точно. Егор, так что за дело привело вас к нам? У вас взгляд человека, который растерян и не знает, как ему поступить.

– Рита, откуда вы все знаете? – Я почему-то почувствовал себя таким слабым, что даже уронил ложку.

– Говорю же – взгляд. Признаюсь, я иногда пишу портреты. Не скажу, чтобы это у меня здорово получалось, но я стараюсь. Знаете, у меня проблема – нет натуры. Марк не хочет, чтобы в нашем доме толпились посторонние, и это понятно. Но, с другой стороны, все наши знакомые – люди занятые, у них нет времени мне позировать.

– А я согласен! – вдруг воскликнул я. – Только после работы. Моя внешность вас бы устроила?

– Вы?! Хорошо, я поговорю с Марком. Что касается внешности, то меня устроила бы любая внешность, это же упражнения. Вы уж извините, что я так откровенна. Вот познакомьтесь сейчас с ним, думаю, он согласится.

– Рита... – Я прислушался к тишине квартиры, потом посмотрел на спину женщины, и мне почему-то показалось, что вот ей-то я могу довериться. Я попал в такую спокойную, домашнюю обстановку, где почувствовал себя совершенно комфортно, уверенно. И Рита, стоящая передо мной и разделывающая рыбу, показалась мне близким и родным человеком. Откуда появилось это чувство, понятия не имею. Возможно, оно возникло потому, что я искал такого человека, мне было просто необходимо выговориться, поделиться своей бедой, и вот я оказался здесь, в этом доме. Нет, все-таки в жизни нет случайностей. И просьба Дворкина встретиться с Ритой тоже оказалась для меня не случайной. Словно кто-то вел меня сюда.

– Вы извините меня, Егор, что я стою к вам спиной. Я уже закончила. Сейчас вот руки вымою.

И она села напротив меня. Улыбнулась.

– Ну? Что там у вас? Выкладывайте.

– У меня жена Вероника и двое маленьких детей – Мишка и Танюша. У нас хорошая семья. Я работаю у Дворкина, может, слышали? – Я напрягся.

– Лев Вадимыч? Да, меня знакомили с ним не так давно. И что же?

– Сегодня утром я открываю гараж, а в моей машине два трупа – мужчина и женщина, – выпалил я и отвернулся к окну.

– Ничего себе поворотец, – услышал я. – И что? Кто эти

люди?

– Да в том-то и дело, что понятия не имею. Вернее, я даже и не пытался выяснить, кто это. Они лежали на заднем сиденье машины вповалку.

– Одетые?

– Ну да! Нет, вы не подумайте, они на самом деле были одеты, да и газом в машине не пахло, так что они не угорели, как это иногда бывает с любовниками, скрывающимися в гаражах.

– Крови, следов выстрелов или что-нибудь еще не заметили? Может, на одежде пятна.

– Нет. Ничего такого не заметил. Они словно спали, но в то же самое время не спали. Не дышали. И уже успели очо-ченеть.

– Гараж был взломан?

– Нет. Я открыл его своими ключами, как обычно.

– У кого еще есть ключи от вашего гаража, от машины?

– У Вероники. Есть еще один, третий комплект ключей, в секрете.

– Он на месте, вы проверяли?

– Да нет же! Не успел. Вернее, я после этого еще не был дома.

– Судя по тому, что вы здесь, у меня, милицию вы вызвать побоялись, так?

– Так.

– Но почему? Ведь вы же ни при чем?

– Понимаете, у меня до этого была такая спокойная жизнь. Маленькие дети, Вероничка, – занял я. – Я побоялся, что меня задержат, начнут задавать разные вопросы. Скажут: машина ваша, отпечатки пальцев повсюду ваши, гараж не взломан. Знаете же, как у нас бывает. Вот я и подумал, что сначала надо бы с кем-нибудь посоветоваться.

– И вы выбрали меня? – Красивые тонкие брови Риты взлетели вверх. Какое-то время она внимательно рассматривала мое лицо. – Думаю, одним позированием вы со мной не расплатитесь, Егор.

– В смысле?

– Целый год позировать будете, да еще и голым. Ну как, по рукам?

– Голым?

– Да-да, и только за то, что я выслушала вашу страшную историю.

Я ничего не понимал.

– Зачем вы солгали, что у вас ко мне дело, ведь подобными вещами занимается мой муж, Марк? Вы ведь знаете, чем он занимается?

– Судя по тому, как вы о нем отзывались, он какой-нибудь крупный предприниматель. Или чиновник.

– Мой муж – Марк Александрович Садовников – следователь прокуратуры. И я никогда не поверю, что вы об этом не знали. А вот, кстати, и он.

Послышался звон ключей, потом мужской голос позвал:

– Рита? Душа моя, я пришел, как и обещал!

И в кухню вошел высокий худощавый мужчина в темном костюме – роскошный брюнет с сине-зелеными глазами и мужественным выразительным лицом. Признаться, я и без того был сбит с толку, узнав, что попал, что называется, в осиное гнездо – в квартиру следователя прокуратуры, а тут еще он сам, да только нисколько не похожий на следователя. Мужчина с такой внешностью мог бы играть героя-любовника или же рекламировать мужскую одежду.

Увидев меня, Марк Александрович сразу онемел и, медленно повернув голову, как бы спросил взглядом жену: могла бы и предупредить.

– Марк, познакомься, пожалуйста. Хотя я вас уже прежде знакомила. Это Егор, Егор Красин, помнишь, он помогал мне подготовиться к выставке в Питере. Мы с ним еще картины упаковывали.

Марк сразу же как будто расслабился и даже вздохнул с облегчением.

– Да, я вас не сразу узнал, извините.

– Марк, давайте пообедаем. Егор пришел по делу, ко мне, да только никак не решится рассказать, в чем оно состоит. Думаю, его кто-нибудь попросил написать портрет, я угадала, Егор?

Пока она говорила, я взмок от волнения. Одна ее фраза, что я пришел к ней по делу, чего стоила. Ведь я думал, она расскажет сейчас мужу о гараже. Однако я ошибся и теперь

смотрел на Риту с благодарностью.

– Да, почти угадали, – ответил я. – Дело в том, что мой шеф, Дворкин Лев Вадимович, даже с работы меня отпустил, попросил, чтобы я уговорил вас познакомиться с ним. Представляете, прихожу сегодня в его кабинет, вернее, это он меня вызывает, а на стене ваш натюрморт с красными маками в белом кувшине.

– Дворкин? Но ведь эту работу купили совсем другие люди. – сказала Рита, разливая по тарелкам суп. – Марк, кажется, это какие-то твои знакомые.

– Они покупали подарок, но кому именно, я не спрашивал. – Марк с аппетитом поедал селедку. – Рита, я вот селедку ем, а она с луком. Знаешь ведь, что нельзя... что мне с людьми общаться.

– Разгрызешь несколько кофейных зерен, а перед этим лимонную корочку пожуюшь, вот и все. И что же понадобилось от меня господину Дворкину, а, Егор?

– Думаю, он хочет посмотреть вашу мастерскую, ваши работы. А еще он готов покупать ваши картины, говорит, что, глядя на них, хочется жить. Он дал мне номер своего мобильного и просил меня доложить ему о результате нашего с вами разговора.

– Я сам свяжусь с ним, – сказал Марк. – Но какой странный, однако, способ он выбрал, чтобы выйти на тебя, Рита. Может, он в тебя влюбился?

– Хорошо, Марк, ты сам договорись с ним о встрече. Ду-

маю, он сможет посмотреть мои работы. Тем более что я закончила вчера свои фиалки.

– Нет-нет, Рита, второе я уже не буду. Я сыт, и мне надо убегать.

– Марк! Это же утка!

– Когда вернусь. Все, мне некогда.

Я понимал: мне надо быстро, пока он не ушел, принять решение: рассказать ему то, что так мучило меня целый день, или нет. Я посмотрел на Риту и попытался взглядом понять, надо ли мне останавливать его своей проблемой или нет. И вдруг увидел, как она, закрыв плотно глаза, кивает мне головой. Вероятно, она решила, что Марк может мне помочь. Собственно говоря, а кто еще, как не следователь прокуратуры, объяснит мне, в чем я прав, а в чем заблуждался и как мне вырваться из этой непростой и уже запущенной ситуации.

– Марк Александрович, – начал я неуверенно, не спуская с него, уже встающего из-за стола, взгляда. – Можно я скажу вам что-то? Это займет всего одну минуту. Просто мне необходимо посоветоваться.

Я снова посмотрел на Риту.

– Марк, Егор сегодня утром пришел в свой гараж, а там, в его машине, – два трупa. Мужчина и женщина, – помогла мне она.

Марк резко обернулся и посмотрел на меня.

– Что? Я не ослышался?

– Нет, Марк Александрович, вы не ослышались.

– Милицию не вызывал, так? – строго спросил он, словно заранее зная ответ.

– Не вызывал, я побоялся последствий.

– Как выглядит мужчина? – почему-то сразу спросил Марк.

– Я его не переворачивал. Боялся дотрагиваться. Могу только сказать, что у него затылок крепкий. Стриженный.

– Как он был одет?

Я заметил, что и Рита тоже смотрела на мужа с недоумением, хотя потом в лице ее произошло изменение, и она даже нахмурилась, словно и сама начала о чем-то догадываться.

– На нем была вельветовая куртка, – сказал я.

– Коричневая? – Рита повернулась ко мне и рассматривала меня уже с выражением ужаса на лице. – Ну, Егор?! Так какого же цвета была его куртка?

– Коричневая.

– Это Тимур, – как-то тихо произнес Марк. – Точно Тимур, он пропал сутки назад. Альмира места себе не находит. Постоянно твердит, что он не мог просто забыть позвонить, что с ним что-то случилось. Где находится ваш гараж?

– Неподалеку от сельскохозяйственного института, за нашим домом начинаются поля.

– Рита, пока никому не звони, ничего не говори. Альмира наверняка сама будет звонить, говори, что ничего не знаешь.

– Но я на самом деле ничего не знаю. К тому же коричне-

вые куртки носят многие.

– Но она коричневая и вельветовая, понимаешь? А я не верю в такие совпадения. И куртка сошлась, и то, что Тимур пропал. Егор, это просто удивительно, что вы сегодня пришли к нам.

– Но я шел совершенно по другому делу, – блеял я, еще не зная, радоваться мне или нет, что мной всерьез заинтересовались. Возможно, мой визит к Орловой приведет меня к полному краху. – Я на самом деле пришел по поручению Дворкина. И я никого не убивал. Глупо повторять одно и то же, но я на самом деле не вызвал милицию только лишь потому, что не хотел ввязываться в эту историю.

Марк взглянул на меня, не скрывая своего презрения, и, кинув через плечо: «Поехали», – решительно зашагал к выходу. Я побежал на ним.

– Марк, я с вами! – крикнула Рита.

– Хорошо, – довольно сдержанно, к моему удивлению, ответил Марк, – мы тебя подождем. Поторапливайся.

Я спросил себя, смог бы я вот так же терпеливо отнестись к такому несвоевременному желанию своей жены, попросту говоря, даже блажи – принять участие в таком серьезном деле, как поездка на место преступления, и ответ получился отрицательный. Нет, я бы свою Веронику ни за что не взял бы с собой. Что делать этой нежной, благоухающей цветами Рите в холодном гараже с машиной, нафаршированной трупами? Однако, судя по тому, как Марк и Рита общались

(тон, манеры, взгляды, которыми они обменивались друг с другом), я понимал, что между ними установилось прочное взаимопонимание, как если бы Марк и прежде брал жену на подобные мероприятия.

Мне казалось, что внизу, уже в машине, в нетерпении хлопывая ладонями по рулю, Марк даст волю своим чувствам и выразит свое отношение ко всему происходящему: мол, и чего это Рите не сидится дома, не женское это дело – ездить по таким опасным местам, и вообще это не ее дело! Но он просто сидел с задумчивым видом, глядя сквозь стекло на мокрый, заросший старыми липами двор, и даже, казалось, не замечал моего присутствия.

– Вы думаете, это ваш знакомый? – подал я голос, чувствуя себя самым мерзейшим образом. Это же надо – так влипнуть! И почему только убийца решил уложить трупы именно в мою машину!

– Он вышел из дома вчера рано утром и вечером не вернулся. Я отлично знаю Тимура, он такой человек, он не может не позвонить Альмире, своей жене, и не предупредить о том, что он задержится, к примеру. Но не позвонил, не предупредил. Просто исчез. Его машина в ремонте. Поэтому он отправился на работу общественным транспортом. Если бы он поехал на машине, то его искать было бы проще. А так... Но если это он, то кто же женщина? Насколько мне известно, он не мог... Нет, нет, не мог.

Из подъезда выпорхнула Рита. Черная курточка, черные

брюки, черный берет и белый шарф. Села в машину, и мы поехали.

3. Егор

– Вот, номер 35.

Мы остановились напротив моего гаража. Ничем не приметный, с серыми воротами, он находился приблизительно в середине длинного ряда безликих гаражей. Накрапывал дождь, и Марк, выйдя из машины, внимательно осмотрел заасфальтированную площадку перед воротами.

– Конечно, следов не видно. Но отпечатки пальцев на замках должны быть.

– Но там мои отпечатки пальцев! – воскликнул я. – Я же и отпирал замки, и запирал, когда уходил.

– То, что вы отпирали, это понятно. Но что запирали, не воспользовавшись перчатками, – уже хуже. – С этими словами Марк достал белые тонкие резиновые перчатки и натянул их на руки. – Давайте ваши ключи.

Рита стояла в стороне и молча наблюдала, как ее муж отпирал замки.

– Господи, сделай так, чтобы это был не Тимур, – вдруг донеслось до меня, и я на какой-то момент почувствовал себя виноватым в том, что происходит. Словно это по моей вине убили этих двух несчастных – мужчину и женщину.

Марк открыл ворота, вошел в гараж, я поспешил включить свет. Вспыхнула яркая желтая электрическая лампочка. Залоснился на свету мой серебристый «Фольксваген», моя

надежная лошадка. Я видел, как Марк подошел с фонариком в руке и посветил внутрь салона.

– Рита, подойди.

Она подошла и тоже взглянула внутрь машины. Пожала плечами.

– Егор, но здесь никого нет.

– Как это нет? – У меня от волнения даже подбородок затрясся. – Вы хотите сказать, что мне все это приснилось?

– Не знаю, – ответил Марк. – Но в машине никого нет.

Тут я опомнился и отключил сигнализацию, Марк отворил дверцу, я подошел поближе и, когда обнаружил, что в машине действительно никого нет, испытал легкое головокружение – это была настоящая эйфория. Меня в тот момент не заботил даже тот факт, что я оторвал от дел людей, что я выглядел перед ними настоящим идиотом, придумавшим эту чудовищную историю про трупы!

– Между прочим, – внезапно сказал Марк, – это только осложняет дело.

– В смысле? – Моя голова временно отказывалась сообщать.

– Но ведь трупы украдены.

– Не знаю.

– Но они же были, Егор?! – в голосе Риты звучала досада. – Были? Ты ничего не напутал?

– Они были. Но теперь их нет. И я как бы ни при чем.

– Машину возьмем на экспертизу, а тебе придется высту-

пить в роли свидетеля. Дело странное. Скажи... – Марк незаметно перешел на «ты», и мне подумалось тогда, что это даже к лучшему, и он, даст бог, теперь возьмет надо мной опеку. – Скажи, ты ничего не перепутал? Это действительно твоя машина и твой гараж? И утром ты был именно здесь и видел трупы?

– Да, конечно.

– Но сейчас-то их нет.

– Они были, понимаешь? Бы-ли.

– Опиши женщину, как она выглядела, во что была одета.

– Я лиц не видел, они же были привалены друг к другу, лежали лицами вниз. Сначала я даже принял их за пьяных.

– Так, может, они и были пьяные? Пришли в себя и ушли, – сказала Рита.

– Через железные ворота, насквозь? – перебил ее Марк. – Так что на ней было надето?

– Плащ. Розовый, короткий. У нее ноги красивые, в чулках. И туфли на каблучке, большом, кремовые.

Марк достал телефон и кому-то позвонил.

– Лева? Это я. Скажи, в милицию не обращались по поводу исчезновения женщины? (Он прикрыл ладонью телефон и обратился ко мне: «Сколько приблизительно лет было женщине?» Я ответил, что понятия не имею, лица-то не видел. Но, судя под одежде и ногам, – молодая.) Ты узнай и перезвони мне. А что про Атаева? Никакой информации? Хорошо. Я понял.

Он снова повернулся ко мне.

– У кого еще есть ключи от твоего гаража?

– Дома у меня два комплекта. Я уже говорил: один у жены, другой – запасной.

– А жена не может быть замешана в этой истории?

– Моя жена сидит дома и воспитывает двух маленьких детей – двух и трех лет.

– Но она умеет водить машину? У нее есть водительские права?

– Есть, но она редко ездит. Боится. К тому же, сидя за рулем, трудно проследить за находящимися в машине детьми. Это очень опасно. И вообще, Марк, что вы такое говорите? Что моя жена убила двух людей, а потом, когда я ушел на работу, вывезла их спокойно из города и выкинула на какую-нибудь свалку? Я, конечно, сглупил, что не вызвал милицию.

– Тем не менее мы должны встретиться с твоей женой и допросить ее. Может, она потеряла ключи от машины и гаража. Может, у нее кто-то одалживал эти самые ключи. Если тебе не приснилось все это, то в машине были трупы. И они исчезли. Ты вот веришь в потусторонние силы?

Я не верил. Знал я и то, что эта мертвая парочка мне не привиделась. Они существовали на самом деле. А потом исчезли. И не пьяные они были, а мертвые. Они не дышали и окоченели. Вот только я до сих пор не мог понять, правильно ли я сделал, что не посмотрел в их лица. А вдруг это дей-

ствительно кто-то из знакомых?

До меня все никак не могло дойти, что Марк и Рита собираются допросить мою жену Веронику.

4. Валентина

Я встречалась с двумя любовниками. С одним – из-за денег, с другим – по большой любви. Так поступают многие женщины. В том числе и замужние, только тщательно скрывают это. В этом случае никогда не следует рассуждать о морали. Мораль – это выдумка. Однажды я долго беседовала с одним психологом, все расспрашивала его: есть ли общепринятые нормы поведения в тех или иных ситуациях, так сказать, общие правила для всех, грани и барьеры, которые нормальным людям запрещается перешагивать, и психолог ответил мне однозначно: нет. Я была в ужасе от услышанного. Как, пыталась я добиться правды, разве нет норм поведения в обществе, в отношениях между людьми, так же не может быть! И он мне снова ответил: нет таких правил. Я была в бешенстве. Начала приводить какие-то общепринятые (опять же), на мой взгляд, догмы, к примеру: нельзя (или нехорошо) бить своих родителей. Но и тут твердолобый психолог мне с невозмутимым видом ответил: смотря по обстоятельствам. А ведь я произнесла вслух то, что большинство людей считает недопустимым!!! Я считала это аксиомой!

Не хочу сказать, будто бы этот психолог развязал мне руки. Нет. Я сама себе их развязала, когда почувствовала, что не могу жить дальше так, как жила раньше. И что (пусть простят меня неустроенные материально женщины) деньги – не

главное. Сережа Минкин купил мне квартиру, машину, позволил мне нигде не работать и ни в чем не нуждаться, но с ним я все равно была несчастлива. Его никогда не было дома, я не чувствовала его любви, зато чувствовала себя совершенно одинокой. Я могла весь день валяться в постели, маясь от безделья. Книги и телевизор стали моими настоящими друзьями. Я прочитала много книг, просмотрела огромное количество фильмов, и мне все больше и больше начинало казаться, что жизнь проходит мимо меня. Словно она, жизнь (я представляла ее себе в образе пышной зрелой женщины с развевающимися рыжими волосами, держащей в руках огромный букет цветов), проходит мимо моей кровати, на которой я лежу в пеньюаре, даже не глядя в мою сторону, и стремится куда-то туда, где меня нет и никогда не будет. Ведь в каждой книге и каждом фильме кипела, бурлила жизнь, там происходило много событий, мелькали какие-то образы, пейзажи, звучали голоса, музыка, крики, там все было живым и двигалось, любило, ненавидело, стреляло, наслаждалось, страдало, словом, жило полной жизнью. И только я, изнемогая от пресыщенности, лени и чувствуя, как заплывают жиром и теплым шоколадом мои мозги и чувства, превращалась в часть моей кровати, постели, становилась вещью.

До встречи с Сережей я работала секретаршей в одной маленькой фирме, получала гроши и чувствовала себя самым мерзким образом, я стыдилась своей бедности, считая, что только человек без мозгов может влачить такое вот ни-

щенское существование. Сидя за своим столом в приемной и раскладывая документы, я мечтала о другой жизни, о том, как у меня когда-нибудь появятся деньги, как откуда ни возьмись свалится мне на голову квартира, красивая мебель, как я куплю себе машину – кабриолет. Идиотские мечты, о которых даже стыдно вспоминать – все как у всех. Я даже не столько мечтала о мужчине, который все это принесет мне на блюде, сколько о материальных благах. Деньги, деньги – я страстно их желала. И, видит бог, дождалась. Сережа зашел в нашу фирму по каким-то своим делам, увидел меня, наши взгляды встретились. Он этим же вечером пригласил меня в ресторан. А дальше все было, как в хорошей мелодраме – любовь, страсть, путешествие в далекую теплую страну, волшебный отель, вкусная еда, жара, солнце, полные чемоданы новой одежды, самолеты-аэропорты-вокзалы, возвращение в родной город, уютная съемная квартирка, жаренная по-домашнему курочка на ужин, мечты о будущем, аборт, вторая беременность, тревоги, ожидания, покупка новой благоустроенной квартиры, машина, роды, смерть малыша, снова самолеты-аэропорты-вокзалы, Германия, Франция, восстанавливающая терапия, долгие прогулки по ухоженным паркам-садам Европы, дорогие магазины, роскошные рестораны, золото, брильянты, возвращение домой, покой, лень, книги, телевизор, бисквиты с кофе по утрам и ужины в ресторанах перед сном. И все как во сне, как будто бы все это происходило не со мной, а с героиней какого-то

сериала. Я разучилась чувствовать. Сережу Минкина я не любила, а просто воспринимала как данность. Я поняла, что начинаю тупеть, что у меня пропадают всяческие желания и что ничего не доставляет мне радость. Безвкусице, бесчувствие.

И вот тогда-то появился Тимур. Он зашел к нам вечером обсудить какой-то вопрос с Сережей. Сережа – хорошо сохранившийся холеный блондин, спокойный, даже меланхоличный, я бы даже сказала, медлительный, заторможенный (что не мешало ему зарабатывать огромные деньги). Тимур – красивый брюнет с печальным умным лицом. Движения порывисты, нервны, кажется, что в нем бушуют ураганы, сверкают молнии, шумят грозы и грохочет гром. Он – комок нервов, сгусток мощной электрической энергии. Тимур – одноклассник Сережи, он пришел к нему просить о помощи, и чувствовалось, как он страдает от того, что ему приходится унижаться. Ребенок заболел, срочно требуются деньги на операцию, на работе – проблемы, кажется, фирму, в которой он тогда работал, закрывали – хозяин пустил дело на самотек и сам, увлекшись путешествиями, растратил все свои деньги. Сережа дал необходимую сумму, Тимур обещал отработать. Я видела, что он уходит от нас с тяжелым сердцем и тяжелым кошельком. Сумма была внушительная, и трудно сказать, где и каким образом он мог бы ее отработать.

А я тогда всю ночь не спала. Думала о Тимуре. Мне не было дела ни до его жены, ни до его больного ребенка. Я хотела,

чтобы он пришел еще раз, вновь увидеть его, услышать его голос, запомнить на всю жизнь его мужественное узкое лицо с раскосыми глазами цвета морской волны и бровями вразлет, аккуратно уложенные густые черные с проседью волосы, бледные плотно сжатые губы, пальцы рук, нервные, тонкие, сухо постукивающие по столешнице.

Но он не пришел. Потом я узнала случайно, что в тот вечер, когда он шел от нас, прижимая к груди пачку с деньгами, на него напали и отняли деньги, что он влез в долги, и в его жизни началась черная полоса. Ребенка, однако, удалось спасти, но Тимур словно потерялся. Он бросался в какие-то авантюры, вкладывал занятые деньги в какие-то проекты и снова все терял, снова занимал, перезанимал, брал кредиты.

Все эти крупницы информации я узнавала от Сергея, осторожно выведывая у него все, что могло касаться Тимура.

Однажды, спустя примерно полгода со времени нашего знакомства с Тимуром, вечером, почти ночью, я спустилась в магазин за чаем. Я не хотела чаю, но знала, что он кончился – странное дело, у меня никогда прежде такого не было, чтобы закончились все запасы чая. Возможно, мне тогда просто захотелось выйти из дома. Сергей был в Англии, подписывал какой-то важный контракт.

И вот в супермаркете я увидела Тимура. Он выбирал виски. Я подкатила к нему с тележкой, в которой было пять красивейших жестяных коробок с чаем. Мы поздоровались.

Мне хотелось, чтобы все покупатели с продавцами на какое-то время исчезли, чтобы мы остались одни. Быть может, никогда еще мне не хотелось чего-то (вернее, кого-то) так сильно. Словно я проснулась и обнаружила себя живой совершенно чужой и бессмысленной жизнью, и мне предоставлялась возможность вернуться в жизнь свою, некогда потерянную. И Тимур был моим, я это откуда-то знала. Я даже физически почувствовала себя иначе. Стала как бы легче, и движения мои приобрели какую-то приятную порывистость.

– Как дела? – спросила я, все еще не веря, что мы с ним можем поговорить без свидетелей, без Сергея. – Как ребенок, семья?

– Все нормально.

Он так смотрел на меня, что у меня закружилась голова. И мне хотелось, чтобы она кружилась, мне хотелось всего, что было связано с Тимуром, с моими чувствами к нему.

– Вы очень красивая, Валентина, – вдруг сказал он. – Я думаю о вас вот уже шесть месяцев и пятнадцать дней.

– Я – любовница Минкина, – сказала я, чувствуя, что готова заплакать. – Я – его вещь. Без него я бы стучала на машинке в своей конторе за тысячу рублей в месяц и штопала бы чулки. У нас с ним могли бы быть дети, но я потеряла их. Я не принадлежу себе и не знаю, что мне делать, потому что я тоже думаю о тебе все эти месяцы и дни.

Ту ночь мы провели вместе. В сильных ласковых руках Тимура я чувствовала себя такой счастливой. До спазмов, до

судорожных рыданий. Я хотела бы пустить корни в его горячее, сильное тело, стать его частью. Потом было много ночей, украденных у вечно занятого и ничего не замечающего Сергея.

Тимур говорил, что расстанется с женой, но мне было все равно, живет он с ней или нет. Я же жила нашими встречами, я воровала его у его жены и ребенка, а он воровал меня у Сережи. Мы были ворами, но счастливыми ворами. А еще я знала, что его жена ни о чем не догадывается. Тимур с женой стали приходить к нам с Сережей в гости. Мы дружили семьями! И это было и приятно и мучительно одновременно. Мы любили друг друга одними взглядами. Мы обманывали в мыслях сидящих друг напротив друга Сережу и черноглазую красавицу Альмиру. Я завидовала ей в такие минуты, зная, что после ужина они вернутся домой вдвоем, что дома их ждет няня, которую они отпустят, чтобы остаться своей семьей: Тимур, Альмира и их ребенок. Что они лягут в одну постель и что он привычно обнимет ее, забудет на время меня, прижмется к ней и уснет. А может, и не уснет, а займется с ней любовью. По привычке, по семейной привычке. А Сережа Минкин будет любить меня, как свою жену. Хотя я так и не стала его женой. Не успела.

Его убили в июне. В аэропорту, за два часа до рейса, который должен был доставить его в Лондон, в аэропорт Хитроу.

5. Валентина

Я лежу на плече Тимура. И мне кажется, что на другом его плече лежит голова красавицы Альмиры. Альмира – очаровательная белокожая и черноглазая молодая женщина. Мне думается, что и в шестьдесят она тоже будет выглядеть, как девушка. Потому что она стройная, хрупкая, да и лицо у нее как у девочки, совершенно нет морщин. У меня была возможность рассмотреть ее, когда она приходила в наш дом вместе с Тимуром. Дурочка, она ничего не замечала. Ни наших горячих взглядов, не слышала, как бухает его сердце при виде меня, ничего, ничего не чувствовала! Она сидела подле него так тихо, ела мало. Смотрела на Сережу, потом переводила взгляд на своего мужа и, как мне всегда казалось, постоянно сравнивала их, и сравнение было, конечно, в пользу Тимура. Это читалось на ее спокойном лице, по той блуждающей улыбке счастливой женщины, эта улыбка меня просто выводила из себя. Иногда я представляла себе, как встаю, беру Тимура за руку и увожу с собой – неважно куда. В ванную, в кухню, в спальню. Этот дом – мой, и в нем нет ни одной комнаты, стены которой не видели нас в любви. Я мысленно беру теплую сильную руку Тимура и веду, веду его на глазах у удивленных Сережи и Альмиры, увожу, волоку в свою нору по той лишь причине, что он уже давно принадлежит мне.

Представляла ли я себе, что у Минкина роман с Альмирой? Никогда. Возможно, у него и бывают какие-то связи на стороне – в том же Лондоне, куда он все чаще и чаще мотается. Скорее всего, у него там кто-то есть, но Лондон – это не только другая страна, но и другой мир, и мне абсолютно все равно, что в нем происходит. И чем чаще Сережа летает туда, тем лучше для меня – я встречаюсь с Тимуром.

Представляла ли я себе, что будет, если Сережа узнает о том, что у меня есть второй любовник? Представляла. Он не будет церемониться. Это он на людях такой белый и пушистый. Но всем известно, что белым и пушистым с неба на голову не падают миллионы и миллионы. Он хочет казаться таким, ему нравится быть таким, но чаще всего, вне дома, на работе, среди тех, кто работает на него, он холодный и расчетливый зверь. Хищник. Иногда я спрашиваю себя, почему он живет именно со мной, ведь я не самая красивая, не самая молодая (хотя мне всего-то двадцать шесть), и прихожу к выводу, что я очень удобна – я всегда на месте, как вещь, которую поставили на одно место и там она будет стоять, пока не вернется хозяин. Те годы, что мы прожили с ним вместе, я на самом деле была вещью. Практически никуда не выходила из дома. Женщины моего круга и положения куда чаще выбирают на люди, ходят по салонам, фитнес-клубам, собираются стайками в ресторанах. Я же предпочитала дом, мне нравилось лениться именно дома. Быть может, это происходило по той причине, что я слишком долго не имела своего

собственного дома и слишком тяжело переживала свою бедность, я никак не могла насладиться тем, что обрела, живя с Минкиным. К тому же внутри меня жило чувство благодарности этому человеку за все то, что он для меня сделал. Быть может, я и не стала счастливой, но хотя бы перестала заботиться о хлебе насущном. И вообще, я благодарный человек. Во всяком случае, мне так казалось, пока я не встретила Тимура.

Я спрашивала себя, почему Сережа не женился на мне. Но ответа так и не получила. Сережа привык к тому, что я постоянно дома, что я никуда от него не денусь. Возможно, я и была для него семьей, домом, олицетворяла собой хрестоматийное гнездо, куда он всегда может вернуться, зная, что его там ждут.

Возможно даже, у него где-то была законная жена, о которой я никогда и ничего не слышала. Главным для меня было то, что я ничего не знала ни о его прошлом, ни о том, чем конкретно он занимается, зарабатывая деньги, ни о том, какие чувства он ко мне испытывает. Он тратил на меня уйму денег: помимо квартиры и машины, он купил и оформил на мое имя загородный дом в поселке Пристанное на Волге, открыл мне счет в банке.

Как я отношусь к деньгам? Я их люблю. Собираю, коплю, прячу, как мышка в норку. У меня много разных тайничков, набитых деньгами. На черный день. С таким мужчиной, как

Минкин, это необходимо. Хотя бы из-за чувства самосохранения. Ведь у меня никакой профессии, никаких навыков, ничего. Просто живу, наслаждаюсь жизнью, и все.

Я лежу на плече Тимура и понимаю, что люблю его. И эта любовь для меня равна опасности его потерять. Вот когда я думаю о том, что он в любую минуту может исчезнуть, нет, не бросить меня, а именно исчезнуть, как исчезают все те многие, кто должен крупные суммы денег, меня бросает в жар, и тогда я готова продать все, что у меня есть, чтобы только дать ему денег, чтобы выручить его, чтобы позволить ему жить спокойно. Интересно, Альмира тоже способна на такое или же она любит Тимура до тех пор, пока он дает ей деньги? Знает ли она о том, что его жизнь на волоске, что, помимо того, что он занял крупную сумму, чтобы расплатиться с Сережей (это те деньги, которые у него украли), ему пришлось брать в долг на операцию, лечение и восстановление здоровья их ребенка, да еще и содержание семьи. Альмира всегда хорошо одета, вся в золоте, да и шубы у нее дорогие – словом, не выглядит она женой человека, задолжавшего астрономическую сумму. Быть может, она действительно ничего не знает? Тимур бережет ее? А меня почему не бережет? Доверяет? Считает самым близким человеком? Или просто знает, что от меня трудно скрыть такой большой долг, тем более что большую часть денег он должен все-таки Сереже. Как бы там ни было, но иногда я даже завидую Альмире, она

хотя бы спит спокойно, да и кошмары ее не мучают, как меня – иногда я вижу собственными глазами, как моего любимого закатывают в асфальт.

Я встаю и иду на кухню готовить завтрак для Тимура. Сначала он выпивает чашку кофе, потом мы с ним о чем-то говорим, строим планы на будущее (на самое ближайшее будущее, планируем следующую встречу), потом я ставлю перед ним тарелку с его любимым белым, чуть подогретым хлебом, и он долго, с удовольствием намазывает его маслом. В любое время года на столе спелые помидоры, нарезанные, посыпанные солью и черным перцем. Маслины. Еще – его любимый клубничный или черничный джем. Чтобы так не спеша, с удовольствием позавтракать, мы поднимаемся чуть свет. Но это все же лучше, чем вскакивать за пять минут до выхода из дома, комкать утренние тихие часы, которые мы можем провести вместе, осознанно, а не сонно прижавшись друг к другу в постели. И мы оба понимаем это.

Альмира думает, что Тимур в разъездах, что он на работе и проводит ночи в гостиницах, а завтракает в гостиничном ресторане кофе и вареным яйцом. Разве может она предположить, что у него есть любовница, тем более я. Ей кажется, мы подруги, хотя и видимся редко. Она уверена, что нас с Сережей связывает не одиночество и иллюзия семейной жизни, а настоящая страсть. Быть может, она судит по себе? Каждый человек судит по себе. Это психология. И всегда

примеривает чужую жизнь на себя. Как рубашку.

Круг знакомых Тимура и Альмиры вполне достойный. Несколько супружеских пар, где мужья связаны бизнесом. Серьезные семейные люди. И только одна пара выделяется на этом фоне. Семья Садовниковых. Марк и Маргарита. Очень красивая пара. Особенно Марк. Роскошный брюнет с ярко-голубыми глазами. В такого невозможно не влюбиться, и я бы, может, и влюбилась, если бы, во-первых, не полюбила Тимура, а во-вторых, не была знакома с Маргаритой – женой Марка. Невозможно любить мужчину, видя, как он сохнет по своей жене, какими глазами он на нее смотрит – любит, просто сходит с ума по ней и сторожит, как цепной пес. Говорят, он не выпускает ее из дома. Но это неправда. Это сплетни. Люди злы и завистливы, особенно когда видят такую любовь. Надо побыть недолго в обществе Маргариты, внимательно рассмотреть ее, понаблюдать за ней, чтобы понять, что она совершенно счастлива и что ее муж – далеко не цербер. А еще, наперекор общественному мнению, Маргарита – существо свободолюбивое, это я поняла, когда однажды присутствовала при одном общем разговоре. Это было на дне рождения Альмиры. Небольшая компания, где все друг друга не только знают, но и любят, уважают. Альмира приготовила манты, на столе было много салатов, закусок, Маргарита привезла из дома пирог с капустой. Все было так славно, по-семейному. Мне даже на какое-то мгновение ста-

ло стыдно, что мы с Тимуром в этом обществе как изгои, да только этого никто не знает. Мы – воры, преступники, обманщики, прелюбодеи. Речь пошла как раз о свободе перемещения в пространстве, о браке и о том, как эти понятия связаны. Рита спокойно заметила, что брак – это не тюрьма и что даже в браке каждый человек должен чувствовать себя свободным. Альмира спросила, имеет ли она в виду личное пространство, на что Рита ответила, что личное пространство – не обсуждается, это непременно, и что она имеет в виду именно перемещение в пространстве. Что хорошо путешествовать вдвоем, но если один супруг или супруга занят(а), то другой имеет право куда-то поехать по своим делам. И я поняла тогда, что эта тема болезненная для самой Риты и что она это право поехать куда-то одна долго отвоевывала у своего строгого мужа. Потом за столом говорили еще много о чем, но я пыталась услышать лишь то, что говорят Марк и Рита. И из слов Марка (он говорил мало, все больше слушал да отлучался, чтобы отвечать на бесконечные телефонные звонки) стало понятно, что, работая следователем прокуратуры, он повсюду видит одних преступников. И что это у него как болезнь. Но я его почему-то не осудила. Напротив, я представила себе, что сама с утра до ночи занимаюсь этой грязной и трудной работой – очищаю город от убийц и насильников. Конечно, это не может не оставить свой след на психике человека. А если он так любит свою жену и дочь (с трудом запомнила имя этой красивой девочки – Фабиола),

то не может не переживать за них.

Рита. Если бы я завидовала ей по-черному, то сказала бы: она хорошо устроилась. Пишет картины и продает их за десятки тысяч евро. И все это – не выходя из дома. В тепле, так сказать, и уюте. Мажет себе кисточкой и, помимо того что получает от самого процесса творческое удовольствие, так еще и денежки.

Но моя зависть – белая. Я рада, что хотя бы у нее все сложилось. И творческая работа, и материальная независимость от мужа, и красавец-муж, который так ее любит.

Альмира злится, ведь несмотря на то, что она считается приятельницей Риты, купить ее работу она не может – кишка тонка. Быть может, Рита и подарила бы ей что-нибудь из своих работ, но на это требуется желание, а его пока нет. Вот мой Сережа – он совершенно равнодушен к искусству, и если в моей квартире висят картины, то выбраны и куплены они исключительно мной. Конечно, много постеров – я не могу потратить крупные суммы на подлинники. Разве что потихоньку скупать работы местных художников в надежде, что они когда-нибудь станут известными и будут стоить огромных денег. В нашем городе только один художник будет стоить дорого, он и сейчас стоит дорого – это Рита Орлова. Но мне ее работы не потянуть. Если же представить, что я прошу, скажем, пятьдесят тысяч евро на какой-нибудь натюр-морт с грушами кисти Риты Орловой, не думаю, что Сережа мне откажет, но не поймет, удивится, решит, будто я его

обманываю. А если даже я и куплю ее работу, то Сережа будет всякий раз, проходя мимо картины, спрашивать: «И вот эти груши стоят пятьдесят кусков?» Искусство – это не для нас. Да и я лучше повешу на стену копию Ритиной работы, постер в красивой раме под стеклом, а пятьдесят тысяч потрачу на что-нибудь другое, а еще лучше – спрячу, уволоку в свою норку. Мало ли что может случиться в моей жизни. Или же дам Тимуру – пусть погасит часть своих долгов.

6. Валентина

– Мне надо исчезнуть, – говорит Тимур, и сердце мое сжимается от страха. Я уже понимаю, о чем он хочет мне сказать. Дела совсем плохи.

– Надолго? – Я наливаю ему кофе и пододвигаю сахарницу. Глаза мои наполняются слезами, словно они все поняли раньше меня и заплакали.

– Может, навсегда. Альмире скажу все как есть. Сколько можно делать вид, что все хорошо? У нее все есть, и деньги тоже. В крайнем случае ей всегда помогут родители. У ее отца много денег.

Я не могла его спросить: что же это ты до сих пор не обратился к тестю, не попросил денег? И вообще, это как бы не мое дело, а их – семейное. Альмира – это семья, я – любовь.

– Как «навсегда»?

Мне хочется крикнуть: я как же я? Как же мы с тобой? Как я буду без тебя? Но вместо этого ртом хватаю воздух, мне дурно, кружится голова.

– Когда ты собираешься «исчезнуть»? – Я с трудом разжимаю челюсти. Мне трудно дышать.

– На днях. У меня остался месяц. Но за этот месяц ничего не изменится. Ничего. И деньги на голову не упадут. За этот месяц мне надо уладить все свои дела, объясниться с Альмирой. Я даже не буду возражать, если она выйдет замуж за

Рената, моего брата. Он давно любит ее.

Я отреагировала на это странно: волосы на моей голове зашевелились, словно черви. Как у него все просто. Передать свою жену, как эстафету, брату – вот, мол, тебе моя жена, живите, плодитесь. Чтобы она осталась в семье и чтобы брат получил то, что хотел. Значит, и Альмира тоже для него – вещь? Как я для Сережи?

– Я могу продать дачу, она стоит два миллиона. Только никуда не уезжай. Или поедem куда-нибудь вместе, чтобы ты оторвался наконец от Альмиры, от своей семьи. Ты ведь любишь меня? Еще у меня есть драгоценности. Две машины.

– Не забывай, у тебя есть Сергей. Ты не сможешь ничего продать без его ведома.

– Я что-нибудь придумаю.

Тимур ушел, поцеловав меня на прощанье, и я представила себе, что он уходит от меня навсегда, что я никогда его не увижу. И мне стало так больно, так мучительно больно, что я сползла по стеночке вниз, на пол, легла на ковер и чуть не умерла от горя.

Сережа, вернувшись из Лондона, нашел меня совершенно больной, бесчувственной.

– Зая, я так соскучился по тебе, – сказал он, зарываясь лицом в свитер, который я не снимала с тех самых пор, как Тимур ушел, с тех пор, как меня не покидало чувство холода. Я лежала на диване, кутаясь в толстый плед, и никак не

могла согреться. По телевизору показывали тяжелую любовную драму, и я, переживая за героев, которые напоминали мне нас с Тимуром, обливалась слезами. — Я люблю тебя, слышишь?

Но я не слышала его. Хотя таких слов он не произносил еще ни разу. Думаю, он просто пожалел меня. Он забрался ко мне под плед, обнял меня и принялся целовать мою шею, щеки, глаза. Это было так на него не похоже. Словно это вернулся Тимур, а не Сережа. Они как бы поменялись местами: Тимур ушел, как всегда уходил (уезжал, улетал) Сережа, а Сережа был со мной, он обнимал меня, как Тимур.

Разве могла я тогда подумать о том, что Сережа прощался со мной. Что он, сам того не осознавая, предчувствовал свою смерть, свой неожиданный уход. Молодой, красивый, сильный, щедрый, умный, жестокий, тихий, скромный авантюрист Сережа Минкин был подстрелен опытным и хитрым охотником, возможно, его должником, или, наоборот, это Сережа задолжал ему, охотнику, на порядок больше, чем ему самому и остальным задолжал Тимур. Из-за денег, я была уверена, только из-за денег убили человека, который при правильной расстановке сил и времени мог бы расплатиться и тем самым сохранить себе жизнь.

Уже на кладбище, закутанная во все черное (как недавно в теплый плед), я вдруг с ужасом начала вспоминать, сколько же молитв, сочиненных моими воспаленными мозгами, содержали в себе слова: «Господи, ну придумай же что-ни-

будь, чтобы я могла помочь Тимур, чтобы он остался в городе, со мной». И теперь, глядя на то, как гроб с Сережей опускают в землю, я вдруг поняла, что своей смертью Минкин простил долг Тимур. Больше того, теперь я могла, ни у кого не спрашивая, продать загородный дом на Волге, чтобы помочь Тимур расплатиться с остальными долгами. Получалось, что Господь услышал мои молитвы, но рассудил по-своему, очень страшным образом.

Тимур появился на кладбище неожиданно. Словно и не было тех страхов, которые толкали его в спину и шипели: уезжай немедленно. Он был один, без Альмиры. Снова пожалел или просто не взял?

Подошел ко мне, взял за руку и стал говорить какие-то слова, смысл которых до меня не доходил. Я же, чувствуя его рядом с собой, стала оживать и, вместо того чтобы рыдать и бросаться на гроб Сережи, упивалась своим близким счастьем. Скоро, совсем скоро мы с ним все решим. Я продам все, что смогу, и мы с ним уедем. Вдвоем. Альмиру он оставит брату, и душа его наконец успокоится.

Я уже видела нас в аэропорту, том самом, по глянцевому полу которого ступал своей дорогой обувью Сережа Минкин, приближаясь к трапу, чтобы потом, приземлившись уже в Хитроу, быть застреленным в упор. Насколько же непредсказуема жизнь, и кто бы мог подумать, что так все сложится.

Я даже видела себя уже сидящей возле иллюминатора, ря-

дом с Тимуром (моя рука в его руке), и разглядывающей пухлые белые облака, проплывающие под нами. Вот стюардесса несет нам бутылку шампанского, которое мы распиваем вдвоем, закусывая горьким шоколадом: за нас двоих, за нашу любовь, за наших будущих детей.

– Валя, прими мои соболезнования. Если бы ты только знала, какая ты сегодня красивая. В этом платье. Держись, я приеду к тебе сегодня вечером. Поздно. Мне правда жаль Серегу, но он всегда ходил по самому краю, и все, кто его знал, только об этом и говорят.

– Тимур, ты любишь меня? – прошептала я, глотая слезы.

– Да, я очень люблю тебя. Я приеду к тебе сегодня, говорю же. Но потом меня не будет неделю. У меня дела. Возможно, я смогу заработать. Один проект. Беспроектный.

Я не могла ему сказать, что у него все равно ничего не получится. Уж если не получилось за целую жизнь, то почему получится сейчас? Так не бывает. Если у человека нет коммерческой жилки, то и нечего ему лезть в бизнес и тем более вкладывать чужие деньги в свои идеи, которые в конечном счете оказываются нежизнеспособными. Не могла и не сказала.

– Тебе тоже надо побыть одной, прийти в себя.

Что он такое говорит? Как можно прийти в себя, когда его нет рядом?

Решение пришло само. Неизвестно откуда. Вернее, это было следствием долгих размышлений, направленных на од-

но: спасение Тимура. Дача. Мой загородный дом. Теперь, когда Сережи не было и меня никто не мог бы остановить в моем решении, мне захотелось сперва осмотреть мою собственность, перед тем как выставить ее на продажу. Поэтому сразу после поминок, которые я устроила в офисе компании, которой руководил Сережа, я, чтобы не оставаться одной дома, поехала в Пристанное.

Было прохладно, моросил мелкий и теплый весенний дождик. Когда я въехала в поселок, совсем стемнело. Конечно, мне было бы куда легче, если бы со мной был Тимур. Но пока что он официально принадлежал Альмире, а потому я должна была набраться сил и терпения и ждать, ждать, когда же он придет ко мне навсегда.

Дом, который Сережа купил мне, строил для себя известный в городе человек, но так случилось, что в жизни его произошли изменения, он развелся с женой и эмигрировал в Израиль. Жена продала мне дом (понятное дело, за все платил Минкин) за полтора миллиона долларов. Деньги не такие уж и большие, особенно если учесть размер дома и прилегающего к нему участка. Вот только обжить его, привести в порядок я так и не успела. Мы с Сережей не успели. Получалось, что мы просто вложили деньги. И теперь эти самые деньги мне надо было получить назад. Хорошо бы с прибылью. Но для этого мне хотелось еще раз взглянуть на дом, вернее, попытаться взглянуть на него глазами потенциального покупателя.

Приехав в Пристанное, я, как мне думалось, убивала сразу двух зайцев. Во-первых, я сбежала от надвигавшихся на меня послепохоронных ужасов, во-вторых, на самом деле хотела осмотреть дом, отвлечься, помечтать о новой жизни.

Вспоминала ли я Сережу? Честно скажу: я старалась вообще о нем не думать. Его уже не было, не было! А я оставалась для того, чтобы продолжать жить. Но если с Сережей я не была по-настоящему счастлива, то с Тимуром, как мне тогда казалось, я обрету не только женское счастье, но и материнское. Вероятно, к тому времени во мне начал просыпаться материнский инстинкт, и я страстно захотела иметь ребенка от Тимура. Сейчас, когда Сережи не стало, я оказалась свободна и в этом выборе, и не было никого, кто мог бы мне это запретить.

Мне не было страшно, когда я входила в дом. Темный, застывший после зимы и холодов. Включая свет по мере своих передвижений по дому, я словно открывала его для себя – комнату за комнатой. И мне казалось, что он олицетворяет собой мою новую жизнь – с чистого листа. Дом, надо сказать, был в идеальном состоянии, за исключением большой гостиной, в которой, как выяснилось, Сережа все-таки бывал. Об этом говорили и пустые бутылки из-под виски и джина, разбросанные по комнате, и куча золы в камине, и переполненные большие хрустальные пепельницы, и смятые подушки, раскиданные по толстому ковру возле камина. Но самым ужасным был запах. Запах неприбранности, беспоряд-

ка и какого-то отчаяния. То, что Сережа здесь бывал один, без женщин, не вызывало сомнений. Я чувствовала это. К тому же, помимо пустых бутылок, не было ничего, что свидетельствовало бы об обратном: ни одного следа, оставленного женщиной. При Сережиной щедрости не обошлось бы без винограда, шоколада. Однако, кроме, повторяюсь, переполненных пепельниц и пустых бутылок, не было ни одной завалящей скелетообразной подсохшей виноградной кисточки, ни обертки от конфет или коробки от шоколада. Как не было ни одного фужера, что свидетельствовало о том, что Сережа пил прямо из горлышка и в глубоком одиночестве. Все здесь было пропитано грустью и какой-то безысходностью.

Я засучила рукава и принялась вычищать золу из камина, выносить бутылки, окурки. Принесла из сарая сухие поленья, развела огонь, села в глубокое кресло, обложившись подушками. Не знаю, сколько я так просидела, пока на глаза мне не попала тоненькая зеленая папка. Она лежала на каминной полке рядом с тусклым бронзовым подсвечником. Какие-то документы. Как странно. В пустом, нежилом доме. Я взяла папку и вернулась в кресло, уютно устроилась и решила для себя, что мне повезло, раз я нашла здесь нечто такое, что поможет мне еще больше отвлечься от надвигающихся на меня кошмаров. Конечно, я не могла вот так вот — раз, и выбросить из головы смерть человека, с которым прожила несколько лет.

Я открыла папку и была страшно удивлена, увидев в ней

фотографию Тимура. Первая мысль была ужасна, отвратительна. Я подумала вдруг, что этот снимок Сережа приготовил для киллера. А почему бы и нет? Все знали, что Тимур ему задолжал, как знали и то, что у Сережи взрывной, жесткий характер. Ну не от большой же любви Сережа держал у себя эту фотографию! Но потом, когда под пачкой документов я обнаружила еще целую пачку снимков, вот тогда уже вся Сережина жизнь, особенно последних месяцев, предстала передо мной во всех отвратительных и унижительных для меня подробностях.

Нас с Тимуром, что называется, пасли и снимали. Снимки, как я поняла, представляли собой раскадровку видеофильмов, где главными героями были мы. То есть наши свидания, проходившие в моей квартире, были записаны на видеопленку и представлены на обозрение Сереже.

Трудно объяснить себе то, что я испытала, увидев все это. Это был даже не стыд, а какое-то сильное чувство, которое испытывает человек, униженный предельно. Наши интимные, любовные сцены, где все дышало трогательностью и нежностью, было представлено Сереже как пошлый порнофильм. Получалось, что он знал о нашей любви, о наших свиданиях и здесь долгими одинокими вечерами готовил план мести или разоблачения. Вероятно, искал способ, как унижить или уничтожить нас двоих. Возможно даже, все так и было, и только смерть помешала осуществиться его планам.

И как не увязывалось это с нашими последними часами,

проведенными вместе, когда он баюкал меня, раздавленную обещанием Тимура исчезнуть из города, изнемогавшую от любви к Тимуру, баюкал и обнимал, целовал, называл «заей» и говорил о своей любви. Хотел ли он тогда моей смерти? Или (что сейчас казалось верхом благородства) он простил меня и всю свою боль и обиду направил на Тимура? Неужели, узнав о нашей связи, он стал больше дорожить мной? Неужели для того, чтобы мужчина полюбил по-настоящему, ему надо распалить себя ревностью?

Я просмотрела документы. Да, как я и предполагала, это были отчеты частного детектива о проделанной работе. Он описывал в хронологическом порядке наши встречи с Тимуром – время, адреса, прикладывая к этому материалу еще и снимки. Можно было себе представить, как страдал Сережа. Какой тварью считал меня.

Получалось, что я должна была сейчас ноги целовать тому, кто его убил. Кто знает, может, я этому человеку была обязана жизнью? Или двумя жизнями – моей и Тимура?

А что... Нет, этого не может быть. А что, если это Тимур его убил? У него, во всяком случае, уж точно был прямой мотив.

Я разволновалась. Отправилась на кухню на поиски бутылки спиртного. Меня всю колотило от сознания того, что я избежала смерти. Иначе сегодня хоронили бы меня (или Тимура).

По дороге в кухню я слышала странные звуки. Вернее, вовсе и не странные, если бы я точно знала, что в доме кто-то есть. Но в доме никого не должно было быть. И дверь я за собой запираю, это точно. Крысы? Мыши?

Нет, это были шаги. Точнее, звук убегающих ног. Босых ног. И еще мне показалось, что кто-то дышит у меня за спиной.

Призраки? Точнее, призрак. Сережи? Он умер, а его душа будет метаться среди людей до тех пор, пока не поднимется к небесам.

– Сережа? – позвала я так, словно он мог быть где-то совсем рядом. – Сережа! Где у нас виски? Водка?

Я обманывала себя и того, кто находился в доме. Призрака ли, крысу ли. Пусть они знают, что я дома не одна, что мы здесь с Сережей.

– Ау! Сережа, где ты?

Словно я не знала, что его тело опустили сегодня в землю. Зарыли, как зарывают всех, у кого перестает биться сердце.

Я все-таки вошла в кухню, она была ярко освещена. В ней стоял всего лишь один стол, на котором возвышалась коробка, а в коробке я нашла то, что искала. Джентльменский набор – виски, сигареты «Мальборо», галеты, бутылка виноградного сока.

Как будто бы кто-то позаботился обо мне и привез все это заранее, зная, что я сюда приеду. На самом деле все это осталось от грустных Сережиных посиделок. Он привозил это

сюда для себя, чтобы насладиться в одиночестве своей печалью, чтобы поплакать здесь без свидетелей и пожаловаться самому себе на меня, редкую сучку, на мою черную неблагодарность. А еще чтобы помечтать о своей мести.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь. У меня от страха подкосились ноги. И зачем я только сюда приехала?

7. Валентина

Поздно ночью, когда я, трясаясь от страха, попыталась уснуть, устроившись в кресле, позвонил Тимур. Я представила себе, как он, стараясь не разбудить спящую Альмиру, вылез из постели и ушел в дальнюю спальню, чтобы поговорить со мной по телефону.

– Валя, милая. Как ты там?

– Мне страшно, Тимур. Кажется, по дому кто-то ходит. Кто-то топает.

– Это нервы. Как бы я хотел оказаться там, рядом с тобой.

– Скажи, Тимур, когда все это кончится? Когда ты перестанешь прятаться от Альмиры, скрывать наши отношения? Теперь, когда нет Сережи и мы можем быть вместе, что тебя останавливает?

– Я должен подготовить ее. И еще. Может быть, я должен ее спровоцировать, не знаю, как тебе сказать. Мой брат влюблен в нее, и я хочу этим воспользоваться, понимаешь?

Я понимала. Он хотел, чтобы в их разводе виновной себя чувствовала Альмира. Неужели он хочет спровоцировать ее на связь с Ренатом? И зачем ему это? Можно же просто сказать ей, что он любит другую, что он уходит от нее. И тогда Альмира как бы автоматически перейдет к Ренату. Зачем все усложнять?

– Мне кажется, ты любишь свою жену, – зачем-то сказала

я. – Ты бережешь ее, ничего не рассказываешь о своих проблемах, о том, что ты был на волоске. А я вся измучилась. Иногда мне кажется, что нервы мои истончились, что я на пределе. Почему ты не жалеешь меня? Не любишь? Скажи, Тимур, ты совсем не любишь меня?

– Когда-нибудь ты вспомнишь эти слова, и тебе станет стыдно, – вздохнул Тимур, и мне так захотелось его увидеть, обнять, взглянуть ему в глаза, замереть в его объятиях.

– Возможно, мне и станет стыдно, но пока что мне очень одиноко, и я чувствую себя совершенно брошенной.

– Я же тебе позвонил, я же с тобой.

– Тимур, сколько тебе нужно денег?

– Два миллиона, – сказал он тихо, явно стыдясь своего долга.

Где-то так я и предполагала. Хотя и надеялась, что хотя бы полтора.

– Я продам дом, я говорила. Вот только приведу его в порядок, почищу. Ой, Тимур! Я забыла сказать самое главное. Надо же! Оказывается, Сергей все про нас знал. Я нашла тут папку – отчеты частного детектива. За нами следили. Здесь такие жуткие фотографии, где мы вместе. Представляешь, что он испытывал, когда просматривал все это?!

Тимур молчал.

– Алло?! Ты слышишь меня?!

– Слышу.

– Ты знал об этом?

– Как я мог знать, что ты такое говоришь?! – вдруг взорвался он. – Ты думаешь, что я был в курсе и продолжал приходить к тебе? Ты в своем уме?

Мне даже нравилось, что он на меня кричит. Он своим криком, своим голосом разгонял всех призраков в доме.

– Ладно, успокойся. Главное то, что он так и не успел ничего предпринять.

– А что он должен был предпринять?

– Уж во всяком случае, разобраться со мной. Лишить меня всего.

– А со мной? – Я едва слышала его.

– Думаю, что и с тобой у него был бы разговор.

– Разговор?! Да ты, оказывается, совершенно не знала своего Минкина.

– Тимур, ты говоришь со мной таким тоном, словно я в чем-то провинилась.

– Нет, просто я подумал, что мы ходили с тобой по лезвию, ты не находишь?

– Нахожу, конечно. Просто я еще не осознала до конца, что могло произойти через некоторое время.

– Я не могу больше говорить.

– Тимур, я подготовлю дом, а ты найди покупателя, слышишь?

– В крайнем случае я возьму кредит под твой дом, вернее, ты возьмешь кредит, и я расплачусь. Потом мы поженимся и уедем, все. Целую.

Наконец-то я услышала от него то, что хотела услышать. Поженимся и уедем. Мы будем вместе, и нам никто не сможет помешать – вот что это значило для меня. И что теперь никогда в жизни Альмира не станет варить ему кофе по утрам или гладить рубашки, что теперь он не сможет обнять ее ночью, пусть даже и по семейной привычке. Он исчезнет из ее жизни навсегда, и его место займет его более молодой и не менее красивый брат – Ренат.

Рассвело, а я продолжаю сидеть и смотреть в окно, словно ожидая, что с минуты на минуту к воротам дома подъедет машина Тимура. В голове прокручиваю в который раз наш разговор. Мне кажется, он что-то недоговаривает. Тимур. «Думаю, что и с тобой у него был бы разговор». – «Разговор?! Да ты, оказывается, совершенно не знала своего Минкина». Что он этим хотел сказать? Что Сережа не церемонился бы с Тимуром и что его люди... Какой приказ Сережа мог бы отдать своим людям-костоломам, наемным убийцам?

Я холодею, представляя себе, как телохранители Сережи останавливаются рядом с Тимуром, как запикивают его в машину и везут куда-нибудь подальше от города, на пустырь, и там сначала избивают его, а потом убивают. Выстрелом в висок. Один выстрел. Потом еще один – контрольный. И что меняется в этом мире? Да мало что. Сережа по-прежнему делает вид, будто ничего не происходит, что у нас с ним все хорошо. Альмира будет искать своего мужа, а когда найдут

его тело, похоронят, и его родной брат Ренат станет утешать молодую вдову – зацелует до потери сознания, до розовых, саднящих кровавых ссадин на губах и подбородке. И только я буду знать, кто убил Тимура. Буду ли я продолжать делать вид, что люблю Сережу, что у нас – семья? Найду ли в себе силы все изменить в своей жизни, отказаться от всех тех благ, которые дал мне Сережа: от комфортной теплой квартиры, красивой одежды, вкусной еды и счета в банке? И понимаю, что нет, не найду в себе сил. Я слишком боюсь нищеты и болезней, я постараюсь убедить себя в том, что у нас с Тимуром была просто интрижка, и эту же мысль постараюсь внушить Сереже. А еще лучше – забыть об этом и никогда не вспоминать.

И это любовь? Разве можно после всех этих признаний сказать себе, что я люблю Тимура? Или же после его смерти в моем сердце не останется и следа?

Я выпутываюсь из пледа, встаю и потягиваюсь всем телом – ночь, проведенная в кресле, дает о себе знать. У меня затекли и словно одеревенели все мышцы.

Я бреду в ванную и включаю бойлер, чтобы согреть воды для душа. Потом – на кухню, мне просто необходимо сварить себе кофе. Сейчас, в рассветные розовые часы, мысль о том, что в доме водятся призраки, кажется мне смешной. Может, это и был призрак, но призрак Сергея, а я не должна его бояться. Призраки не стреляют. Они способны лишь напугать.

Кофе горячий, огненный, мне кажется, он смешивается с

моей кровью и бурлит по жилам, взбадривая меня, вливая в меня жизнь, бодрость. Кофе и галеты – прекрасный завтрак. Потом – в ванную. Стою под горячим душем и радуюсь. Распускаюсь, как цветок. Все, вот теперь я готова начать новую жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.